УДК: 321; 323.1
DOI: 10.17223/1998863X/48/16

В.В. Шишков

ИМПЕРИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ТЕОРИИ НАЦИИ И НАЦИОНАЛИЗМА

В статье исследуется проблема империи в теории нации и национализма. Анализ проводится во взаимосвязи с актуальными результатами имперских исследований. Рассмотрены основные взгляды по представлению существенных характерных черт империи в исследованиях нации и национализма. Уточняется содержание понятий «имперский центр», «имперская политика» и более четко отграничивается империя от других типов государств, отличающихся сложным национально-этническим составом.

Ключевые слова: *империя, нация, национализм, имперский центр, периферия.*

Империя и нация выступают в качестве наиболее значимых явлений политики эпохи модерна, их генезис в условиях социальных трансформаций современности имел определяющее значение для отдельных обществ, государств и мирового развития в целом. Империя как особый тип государства восходит к Античности, получила специфическое выражение в Средние века и к эпохе Нового времени являлась традиционной формой территориально-политической организации. В эпоху модерна империя приобрела новые черты, связанные с колониальной экспансией, политикой империализма, различными способами господства по отношению к имперской периферии, формированием имперской элиты и наращиванием военно-политической мощи. В настоящей статье имеются ввиду эти признаки империи, в той или иной степени свойственные ведущим государствам-империям Нового времени. В современном мире нет империй в таком классическом понимании, как и нет нации, зарождение и развитие которой прошли бы вне какой-либо империи. Национальное прошлое может быть связано или с метрополией, или с зарождением нации на имперской периферии, во многом под влиянием имперской политики и культуры.

Национальная мифология многих современных государств в значительной степени связана с империей. Так, например, при характеристике современной политики США нередко выражается мысль, что поскольку само это государство сформировалось в борьбе колоний с империей, то и вся его последующая история, его призвание заключается в том, чтобы способствовать освобождению других народов от имперского гнета и диктаторских режимов. Постсоветские государства Прибалтики формируют свою национальную идентичность и самопрезентуют себя на Западе, в НАТО и ЕС как жертвы имперской политики и подавления со стороны России и СССР. Еще большее значение в свете поднимаемой в настоящей статье темы имеет ситуация, складывающаяся с 2014 г. на Украине, при которой антироссийская направленность становится существенным элементом продолжающегося конструирования национальной идентичности.

Современная государственная и национальная политика – это в значительной степени наследие имперской политики, они имеют то или иное имперское содержание, связанное с политикой памяти, исторической политикой, национальным мифотворчеством, но не только. Во многом представление об имперском прошлом формирует представление нации о ее настоящем и будущем в координатах современной политики. Все вышесказанное о теме империи и нации полностью относится к современной России, к ее государственному и национальному строительству.

В зависимости от теоретико-методологического подхода нация рассматривается как постоянная характеристика какой-либо общности, изначально присущая ей (примордиализм) или как явление современного общества, отличающее его от домодерных социальных и политических практик (модернизм). В современной социологии и политологии преобладают подходы, связывающие формирование наций с трансформациями, происходящими в современном обществе. Нация, по выражению Б. Андерсона, есть «воображаемое сообщество», которое зарождается и развивается во многом как ответ на вызов современности, в большей или меньшей степени актуализированный в политических реалиях (конструктивизм, инструментализм).

Притом что империя и нация стали основными участниками политики эпохи модерна, их взаимосвязи редко становились предметом специального исследования (см.: [1]). В «имперских исследованиях» отдается должное внимание проблеме национализма периферий, которая нередко выходит на первый план при анализе причин кризиса и распада, национальной политики центра империи, а также, в меньшей степени, шовинизма и ксенофобии метрополии. Тем не менее проблематика нации, особенно рассматриваемая с позиций национального строительства, если не вторична, то заслонена вопросами имперского управления, поддержания имперской мощи, формирования имперских элит и др.

В противоположность этому исследования нации и национализма уделяют внимание проблеме влияния империи на образование нации. В таких исследованиях империя-государство, как правило, выступает противоположностью нации-государства. Так, К. Калхун в работе «Национализм», имеющей для своего времени обобщающий характер, отмечал, что «имперское правление уж точно не было попыткой создания единства между нацией и государством» [2. С. 205]. Исследователь раскрывает этот тезис на примере Австро-Венгерской монархии, господство которой не привело к языковому единообразию, развитию коммуникации, формированию общего нарратива и легитимного правления в интересах народа, т.е. всего того, что обеспечивает национальное государство. Империя выступает как антитеза нации и вызывает национализм на периферии, который оказывается наиболее привлекательной стратегией для местных элит, обеспечивая новое качество их легитимности и связи с населением.

Согласно таким взглядам национализм возникает в среде элит периферии-колонии как реакция на ограничения, наложенные имперским администрированием. Связь между возникновением национализма и имперской политикой обеспечивает включение империи в дискурс о нации и национализме, но проблемы нации остаются вторичными для имперского дискурса. При этом процессы нациостротельства и образования классических империй

эпохи модерна шли в европейских обществах параллельно и под взаимным влиянием. Современная методология подходов к изучению империи если не избегает этого существенного момента, то обходит его стороной.

Цель настоящей статьи заключается в анализе походов к определению империи, выработанных в рамках теории нации и национализма, и их соотнесении с теоретико-методологическими основами понимания империи в современной политической науке. В связи с этим в центре внимания находится отражение имперской проблематики в исследованиях ведущих представителей теории нации и национализма, преимущественно работающих в рамках конструктивистского подхода, отличающегося наиболее проработанной научной аргументацией.

В современной политической и исторической научной литературе при анализе развития имперской государственности преобладает центр-периферийный подход, рассматривающий данный тип государства с позиций функционального анализа. Империя описывается в качестве такой политической организации, в которой центр занимает доминирующее положение, играет ведущую роль в определении внутренней и внешней политики и, что существенно, в обеспечении коммуникаций между периферией. Согласно такому взгляду центр представлен государством-метрополией, что достаточно наглядно в случае империй, имеющих заморские колониальные владения, и его политической элитой. Центр-периферийный подход сосредоточивает внимание на гетерогенности имперского пространства, сложности управления империей, значении имперской бюрократии, форм и методов администрирования и контроля в отношении имперских периферий.

Проблемы национального развития в имперских государствах получают одностороннее освещение. Внимание сосредоточивается на национализмах периферий, их развитие рассматривается в качестве ключевого обстоятельства кризиса и исчезновения империи как легитимной формы государственности. Несмотря на то, что центр-периферийный подход уделяет значительное внимание непосредственно имперскому центру, аналогичные процессы в ядре империи – метрополии уходят на второй план.

В этой связи следует отметить еще один недостаток центр-периферийного подхода. Выдвигаемый в рамках его логики тезис о том, что империи распадаются в том случае, когда периферии догоняют в своем развитии центр, не представляется вполне аргументированным. Развитие и кризис ведущих империй эпохи модерна, которые можно рассматривать в качестве классических, не подтверждают данный тезис. Так, Британская империя имела наибольший территориальный масштаб, отличалась широким разнообразием колониальных владений при относительной военно-политической слабости метрополии. При этом Британия действительно вынуждена была использовать различные управленческие подходы для реализации своей имперской политики в отношении «белых» и «небелых» колоний. Тем не менее следует учитывать то, что наиболее развитые в политическом и экономическом отношении владения Британской империи, такие как Канада, Австралия, сохранили формальную зависимость от Британской монархии, в то время как африканские и азиатские стали суверенными государствами. Нельзя не учитывать также тот факт, что отпавшие в 1918 г. территории Российской империи далеко не все сравнялись в политическом и экономическом разви-

тии с имперским центром. Поэтому рассматриваемый тезис не представляется столь однозначным.

Не менее значимой проблемой представляется содержательное наполнение понятия «центр» применительно к теории империи. Современные исследователи все больше отделяют данное понятие от других терминов, с которыми связано обозначение сосредоточения имперской власти. Так, С.И. Каспэ определяет имперский центр в двух смысловых значениях: во-первых, как центральную ценностную систему; во-вторых, как комплекс институтов, непосредственно легитимированных ценностной системой [3. С. 31–33]. О.Б. Подвинцев вообще разграничивает такие понятия, как «центр», «метрополия» и «историческое ядро» империи [4. С. 8–9]. Следует отметить, что при таком подходе содержание понятия «центр» становится все более отделенным от историко-культурной, территориальной и этнонациональной основы империи. Представляется, что наиболее ярко проблема утраты содержания рассматриваемого понятия проявляется в работе М. Хардта и А. Негри «Империя», в которой центр современной капиталистической имперской системы в принципе лишен субъектности и связывается с контролем над глобальными коммуникациями [5. С. 12, 14, 381]. Империя и центр становятся абстракциями, утратившими институциональное, ценностное и практическое выражение.

Анализ имперской государственности, проведенный такими исследователями, как А. Торнтон, Д. Филдхауз, М. Дойл и др., позволяет говорить о том, что империя не исчерпывается моделью колеса без обода [6. С. 13]. Ее теоретическое объяснение с позиций политической науки требует учета таких факторов, как лояльность, менталитет, доминирование, осуществляемое в различных формах, и, в определенной степени, цивилизационный фактор.

Следует оговорить, что современные подходы к исследованию проблемы имперскости являются не столько отрицанием классических подходов, сколько их уточнением и развитием на современном уровне политической науки. Тем не менее в теории империи фактор нации и национализма не получил еще достаточного учета. Взгляды на империю с этого ракурса не в полной мере проанализированы и сопоставлены. В связи с этим необходимо перейти к анализу взглядов на империю, представленных в основных исследованиях по национальной проблематике.

Один из основоположников модернистского подхода к нации и национализму Э. Геллнер, связавший возникновение наций с распространением промышленного производства и высокой культуры, указывает на связь между национализмом и империей. Распространение господства европейских империй, их империализм выступают производными от формирования индустриального общества, что является также причиной распространения национализма, навязывающего обществу высокую культуру [7. С. 101, 130; 8]. Исследователь разграничивает аграрные и индустриальные общества, условия и потребности которых обусловливают зарождение национализма и наций, а также, следует добавить, распространение их имперского господства.

Основной политический принцип национализма, согласно которому политическая и национальная единицы должны совпадать, противоположен имперской организации, при которой государство включает разные народы. От мира сложносоставных, полиэтнических империй к миру гомогенных в

национальном отношении государств ведет ряд стадий, стержнем которых выступает национальный ирредентизм.

Э. Геллнер рассматривает империю в качестве политической организации, обеспечивающей доминирующее положение одного народа по отношению к другим. Говоря о господстве Европы в эпоху модерна, он указывает на европейские народы, добившиеся экономического и технологического превосходства. В таком понимании империя-государство не влечет за собой наиболее существенное нарушение националистического принципа, согласно которому этнические границы не должны отделять правителей от основного населения. Легитимность имперского правительства не представляется сомнительной с позиции национализма общности, политически и экономически преобладающей в таком государстве. Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что империя и нация в модернистской трактовке Э. Геллнера не исключают друг друга. Проблемной представляется легитимность имперского правительства в глазах окраинных национализмов.

Этот вопрос получает дополнительное рассмотрение в работах Э. Хобсбаума. Э. Хобсбаум, видный зарубежный исследователь модернизационных процессов, рассматривающий их в рамках марксистской методологии, трактовал феномен нации и национализма с модернистских позиций в конструктивистском ключе на основе изобретенных традиций. При этом в его работах значительное внимание уделялось различиям этнического и гражданского национализма [9, 10].

В эпоху капитала и империализма важнейшим критерием, позволявшим рассматривать народ в качестве нации, выступало наличие собственной государственности. Существенным представлялось то, что национальное государство должно быть способно к экспансии. Успешность в деле расширения империи и имперского государственного строительства выступало наиболее показательным подтверждением состоятельности народа в качестве нации. Представляется, что такой подход в значительной степени уравнивал государство-нацию и государство-империю. Говоря о таком национализме – массовом и гражданском, Э. Хобсбаум отмечает, что он соответствует «принципу порога», согласно которому гражданская нация конструируется сверху крупным капиталистическим индустриальным государством. С точки зрения Э. Хобсбаума, это было вполне оправданно до определенного периода. Изменения были связаны с переносом либерально-демократической националистической риторики, основанной на идеалах Французской революции, на этническую почву, произошедшим в последней четверти XIX – начале XX в.

Этнический национализм – национализм малочисленных этнических общностей, зачастую расположенных на имперских окраинах, – конструирует нацию снизу, заявляя о притязаниях этнолингвистической общности на политическую самостоятельность. Э. Хобсбаум указывает на то, что такой национализм не следует рассматривать в качестве истинного, четко разграничивая национализм и принцип этнической принадлежности. Значимым следствием распространения такого этнического национализма стала реакция со стороны имперских правительств, также взявших на вооружение этнический принцип в его право-консервативной и, добавим, этатистской интерпретации, в которой значимыми были имперские аргументы. Данное обстоятель-

ство способствовало росту этнонационального самосознания зависимых имперских народов.

Концепции Э. Хобсбаума придает актуальность, высказанное им мнение о том, что социальная дезориентация в Восточной Европе, связанная с распадом Советского Союза, вызвала возвращение в политику этнического принципа, что является серьезным препятствием демократического развития. Пример современной Украины подтверждает этот тезис.

Анализ конструктивистского подхода Э. Хобсбаума показывает, что не следует рассматривать имперский национализм в качестве алогизма. Империя как крупное государство, отвечающее пороговым требованиям, вполне может выступать субъектом конструирования нации сверху, обеспечивая реализацию принципа национализма. Этническая гетерогенность империи-государства не может рассматриваться в качестве существенного препятствия.

В рамках анализа конструктивистского подхода следует ставить вопрос о состоятельности имперского национализма, о том, насколько он самостоятелен и эффективен как путь политической консолидации.

Б. Андерсон трактует нацию в качестве «воображаемого сообщества», создаваемого на основе печатного капитализма. При этом исследователь отводит империи роль одного из важных условий образования нации. Объединение разнородного в этническом отношении населения в империи и особенности ее администрирования имеют определяющее значение для формирования национального сознания, интересов в национальном суверенитете и обособлении.

Следует оговорить значимое различие во взглядах Б. Андерсона и Э. Хобсбаума. Если последний связывал генезис национализма с процессами в метрополиях, то Б. Андерсон отдает приоритет имперским окраинам. Американский национализм и в значительной степени европейский языковой национализм зарождаются на периферии империй. Примечательно, что при этом исследователь избегает проводить четкие различия между гражданским и этническим национализмом, рассматривая аристократический, массовый (народный) и официальный национализмы. Последний представляет собой ответ национально-освободительным движениям со стороны империй.

Империя связывается Б. Андерсоном с принципом монархизма и представлена в качестве универсализующего и унифицирующего центра. Этнонациональный характер не присущ изначально империям, имперский «официальный национализм» является ответом на европейские национально-освободительные движения, сочетая в себе старый, династический и новый, национальный принцип [11. С. 105–108].

Б. Андерсон подчеркивает фундаментальные противоречия между империей и нацией, говоря при этом главным образом о нациях имперских окраин. В отношении формирующихся наций имперских метрополий империя выступает в качестве государства, обеспечивающего благоприятные условия не только для нациостроительства, но и ее господство и исключение влияния на имперскую политику национальных движений на периферии.

Итак, новая идентификация и легитимация имперского правления осуществляется на национальной основе, имперский официальный национализм обеспечивает политическую и институциональную преемственность между

династией и нацией. Представляется существенным обращение имперских элит к языку и культуре этнической общности метрополии, определение ее роли в имперской политике и формировании нации, что требует дополнительного внимания.

В связи с этим представляется необходимым привести мнение Э. Смита, исследующего нацию и национализм. Согласно этой позиции нация и национализм – это современные феномены, отвечающие глубоко укорененным культурным и социальным потребностям человека и общества в самоидентификации. Современное изобретение нации, с точки зрения Э. Смита, осуществляется на основе представлений о «семье семей», родине и преемственности поколений.

В своем труде Э. Смит критически проанализировал основные воззрения на проблему нации и национализма, находя в каждой рассмотренной позиции сильные и слабые стороны. По мнению исследователя, имперские нации «определялись прежним этническим, языковым и религиозным наследием… в различной степени основывались на узах и сообществах, существовавших до проведения имперских реформ, а в ряде случаев и до появления самих империй» [12. С. 95–96, 146].

Представляется существенным, что классические империи не конструировали имперскую идентичность как некую абсолютно новую общность, не рассматривали ее в качестве производной совокупности этнических идентичностей, населяющих империю народов. Напротив, политика имперского центра заключалась в укреплении идентичности метрополии. В случае Российской империи также существенную роль играло распространение и поощрение ее принятия элитами, а позднее и населением окраин. Такой конструктивистский посыл, исходящий из центра, был направлен на укрепление имперской лояльности через обеспечение национального господства и национальных интересов в пределах империи посредством деятельности имперских институтов.

Представляется показательной дискуссия об имперских основах формирования российского национального государства. Так, В.А. Тишков рассматривает образование Российской империи и становление российской нации как параллельные процессы. Исследователь указывает на то, что основой государственного объединения становилась российская, многонародная (полиэтническая) нация [13. С. 7–8, 135, 190]. В противоположность Б. Андерсону отечественный исследователь отстаивает точку зрения, согласно которой имперский характер государства способствовал развитию общегражданской идентичности. А.И. Миллер также тесно связывает империю и нацию, критикуя тезис Э. Геллнера об обязательном для национализма совпадении национальной и политической территории [14. С. 36–37]. Далее позиции отечественных исследователей расходятся. Если, В.А. Тишков отрицает этническую основу имперских метрополий [15. С. 145–146], то А.И. Миллер указывает на национализм имперской нации, который развивается в условиях необходимости консолидации метрополии. При этом Российская империя реализовывала амбициозный проект русского нациостроительства, предполагающий охват этносов метрополии.

По-разному оценивается и успешность построения российской нации в империи. По мнению В.А. Тишкова, формирование российской «нации наций» в целом завершилось уже в имперский и советский периоды.

А.И. Миллер далек от такой оптимистической оценки, исследователь отмечает, что общенационального консенсуса по существенным вопросам не достигнуто, процесс нациостроительства не завершен.

Спектр мнений российских историков и политических исследователей по вопросу империи и нации не исчерпывается приведенными позициями, их анализ требует отдельного исследования (см., например, [16]). Представляется существенным то, что для отечественных ученых, придерживающихся, как правило, конструктивистского подхода, вывод о неподлинном характере «официального национализма» в случае Российской империи не находит подтверждения. Исследовательская аргументация базируется на анализе общественно-политической мысли, имперской политики, особенностях колониальной экспансии и иных факторах.

Таким образом, проведенный анализ позволяет уточнить представления об империи и имперской политике. Так, грань между империей и нацией оказывается не столь однозначной. Здесь наиболее показателен подход Э. Хобсбаума, связывающего развитие гражданского национализма с ведущими государствами, большинство из которых развивались и как империи. При этом концепт имперского центра с позиций теории нации и национализма получает содержательное наполнение в качестве институционального выражения и представления гражданской нации метрополии.

В связи с этим возможно говорить об имперском национализме как особой форме идеологии и политического движения, противоположной этническому национализму. Кроме того, нуждается в уточнении содержание понятия «имперская политика» и его соотнесение с «политикой империализма». Представляется, что имперская политика в значительной степени связана с обеспечением исключительного политического статуса, заключенного в метрополии империи развивающегося национального ядра.

В методологическом плане проведенный анализ позволяет более четко отграничить империю от других типов государств, отличающихся сложным национально-этническим составом. Особого внимания заслуживает дискуссия об имперском статусе СССР. Нельзя не отметить, что государственная и национальная политика Советского Союза при всей ее неоднозначности не дает основания к отнесению этого государства к числу империй. В целом можно заключить, что противопоставление империи и нации не имеет достаточных оснований. В эпоху модернизации развитие данных политических форм шло во многом параллельно.

Литература

1. *Мифы* и заблуждения в изучении империи и национализма / под ред. И. Герасимова, М. Могильнер, А. Семенова. М. : Новое изд-во, 2010. 426 с.

2. *Калхун К.* Национализм. М. : Изд. дом «Территория будущего», 2006. 288 с.

3. *Каспэ С.И.* Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М. : Московская школа политических исследований, 2008. 318 с.

4. *Подвинцев О.Б.* О соотношении понятий «метрополия», «имперский центр», «историческое ядро империи» // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт : сб. материалов Междунар. науч. конф. / науч. ред. А.О. Чубарьян. М., 2007. С. 5–11.

5. *Хардт М., Негри А.* Империя. М. : Праксис, 2004. 440 с.

6. *Мотыль А.* Пути империй: Упадок, крах и возрождение имперских государств. М. : Московская школа политических исследований, 2004. 248 с.

7. *Геллнер Э.* Нации и национализм. М. : Прогресс, 1991. 320 с.

8. *Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М. : Праксис, 2002. С. 146–200.

9. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб. : Алетейя, 1998. 306 с.

10. *Хобсбаум Э.* Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М., 2002. С. 332–346.

11. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М. : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2001. 288 с.

12. *Смит Э.Д.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М. : Праксис, 2004. 464 с.

13. *Тишков В.А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. М. : Наука, 2013. 649 с.

14. *Миллер А.И.* Модерные империи: проблемы классификации, механизмы консолидации и распада // Политическая наука. 2013. № 3. С. 30–42.

15. *Тишков В.А.* Российский народ. М. : Просвещение, 2010. 191 с.

16. *Наследие* империй и будущее России / под ред. А.И. Миллера. М. : Фонд «Либеральная миссия» : Новое литературное обозрение, 2008. 528 с.

Vasiliy V. Shishkov, Law and National Security Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation).

E-mail: fh55@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 48. pp. 163–172.

DOI: 10.17223/1998863X/48/16

EMPIRE IN THE REPRESENTATION OF THE THEORY OF NATION AND NATIONALISM

Keywords: empire; nation; nationalism; imperial center; periphery.

The article analyzes the approaches to the definition of empire developed in the framework of the theory of nation and nationalism, and their correlation with the theoretical and methodological foundations of understanding the phenomenon of empire in modern political science. The empire and the nation became the main actors in the policies of the modern era, but their interrelationships rarely became the subject of a special study. It is possible to talk about the problematic nature of the "imperial center" as a concept arising in the course of research on imperial topics. In the modern political scientific literature, when analyzing the development of imperial statehood, the center-peripheral approach prevails considering this type of state from the standpoint of functional analysis. The center-peripheral approach focuses on the heterogeneity of the imperial space, the complexity of the governance of the empire, the importance of the imperial bureaucracy, the forms and methods of administration and control in relation to the imperial periphery. Modern research increasingly separates this concept from other terms with which the designation of the imperial power concentration is connected. The empire and the center become abstractions that have lost their institutional value and practical expression. In this connection, the reflection of the imperial problems in the studies of the leading representatives of the theory of nation and nationalism, mainly conducting research in the framework of the constructivist approach, was analyzed. When considering the Russian Empire, it is noted that for Russian researchers, who, as a rule, adhere to the constructivist approach, the conclusion about the inauthentic nature of "official nationalism" in the case of the Russian Eempire is not confirmed. Research argumentation is based on the analysis of the socio-political thought, imperial politics, features of colonial expansion and other factors. According to the results of the study, it was concluded that the opposition of empire and nation does not have sufficient grounds. In the era of modernization, the development of these political forms was largely parallel. It is possible to speak about imperial nationalism as a special form of ideology and political movement opposed to ethnic nationalism. Imperial policy is largely associated with ensuring the exceptional political status, the developing national core in the metropolis of the empire. In terms of methodology, the analysis carried out makes it possible to better distinguish an empire from other types of states with a complex national-ethnic composition.

References

1. Gerasimov, I., Mogilner, M. & Semenov, A. (eds) (2010) *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and errors in the study of empire and nationalism]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

2. Calhoun, J.C. (2006) *Natsionalizm* [Nationalism]. Translated from English by A. Smirnov. Moscow: Territoriya budushchego.

3. Kaspe, S.I. (2008) *Tsentry i ierarkhii: prostranstvennye metafory vlasti i zapadnaya politicheskaya forma* [Centers and hierarchies: spatial metaphors of power and western political form]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy.

4. Podvintsev, O.B. (2007) O sootnoshenii ponyatiy "metropoliya", "imperskiy tsentr", "istoricheskoe yadro imperii" [On the relationship between the concepts of "metropolis", "imperial center", "historical core of the empire"]. In: Chubaryan, A.O. (ed.) *Imperskie i natsional'nye modeli upravleniya: rossiyskiy i evropeyskiy opyt* [Imperial and National Management Models: the Russian and European Experience]. Moscow: RAS. pp. 5–11.

5. Hardt, M. & Negri, A. (2004) *Imperiya* [Empire]. Translated from English. Moscow: Praksis.

6. Motyl, A. (2004) *Puti imperiy. Upadok, krakh i vozrozhdenie imperskikh gosudarstv* [Ways of empires. Decline, collapse and revival of imperial states]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy.

7. Gellner, E. (1991) *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Translated from German by M.S. Panin. Moscow: Progress.

8. Gellner, E. (2002) Prishestvie natsionalizma. Mify natsii i klassa [The Coming of Nationalism. Myths of the Nation and Class]. In: Anderson, B., Bauer, O., Khrokh, M. et al. *Natsii i natsionalizm* [Mapping the Nation]. Translated from English and German. Moscow: Praksis. pp. 146–200.

9. Hobsbaum, E. (1998) *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda* [Nation and nationalism after 1780]. Translated from English by A.A. Vasilieva. St. Petersburg: Aleteyya.

10. Hobsbaum, E. (2002) Printsip etnicheskoy prinadlezhnosti i natsionalizm v sovremennoy Evrope [Principle of Ethnicity and Nationalism in Modern Europe]. In: Anderson, B., Bauer, O., Khrokh, M. et al. *Natsii i natsionalizm* [Mapping the Nation]. Translated from English and German. Moscow: Praksis. pp. 332–346.

11. Anderson, B. (2002) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [Imagined Communities Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Translated from |English by V. Nikolaev. Moscow: KANON-press-Ts: Kuchkovo pole.

12. Smith, E.D. (2004) *Natsionalizm i modernizm: Kriticheskiy obzor sovremennykh teoriy natsiy i natsionalizma* [Nationalism and modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism]. Translated from English. Moscow: Praksis.

13. Tishkov, V.A. (2013) *Rossiyskiy narod: istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya* [Russian people: history and meaning of national identity]. Moscow: Nauka.

14. Miller, A.I. (2013) Modernye imperii: problemy klassifikatsii, mekhanizmy konsolidatsii i raspada [Modern empires: problems of classification, mechanisms of consolidation and disintegration]. *Politicheskaya nauka – Political science.* 3. pp. 30–42.

15. Tishkov, V.A. (2010) *Rossiyskiy narod* [Russian people]. Moscow: Prosveshchenie.

16. Miller, A.I. (ed.) (2008) *Nasledie imperiy i budushchee Rossii* [The Legacy of Empires and the Future of Russia]. Moscow: NLO.